

ВОЕННЫЕ МАГИСТРЫ ПРИСК И ФИЛИППИК КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ ВИЗАНТИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VI – НАЧАЛА VII ВВ.

Р.А. БЕДА

*Алтайский государственный
университет*

e-mail: mo@hist.asu.ru

В статье предпринята попытка рассмотреть функционирование магистратской модели византийской военной знати в период её упадка (вторая половина VI – начало VII вв.) на примере карьеры военных магистров Приска и Филиппика. Акцент сделан на отношениях военных магистров с императорской властью, на их роли в политической и военной жизни государства, на факторах, повлиявших на развитие их карьеры.

Ключевые слова: Византия, военная элита, военные магистры, Приск, Филиппик, магистратская модель военной знати, ранневизантийская армия.

Послеюстиниановский период истории ранней Византии рассматривается в историографии как время ухода с исторической сцены знати позднеантичного магистратского типа¹. Однако данный период в истории военной знати, продолжительностью в несколько десятков лет (565–640 гг.), до сих пор не подвергался такому же пристальному изучению, как институт военных магистров в более ранние эпохи². Изучение судеб Приска и Филиппика, являющихся одними из последних ярких представителей военной элиты магистратского типа, позволило бы составить представление о карьере военных магистров в последний период существования позднеантичной Империи, путях и способах их возвышения и продвижения по карьерной лестнице, об их взаимоотношениях с императорской властью, об их месте, роли и влиянии в военной и политической жизни государства. Важно также выяснить, насколько успешно справлялись военные магистры со своими обязанностями, в том числе как проводники политики императора в отношении армии, какими мотивами руководствовались императоры при их назначении и смещении. Выбор же в качестве объекта изучения сразу двух этих персонажей не случаен, поскольку их карьерные пути были во многом схожи и часто пересекались.

Филиппик был мужем сестры Маврикия Гордии, и, исходя из указания Иоанна Эфесского (Iohann. Ephes. HE. III.5.18), состоял в родственной связи с императором уже к моменту к своего назначения на пост комита экскувитов. Следовательно, вполне вероятно, что возвышение Филиппика состоялось, благодаря женитьбе на сестре императора, а не тем случаем, когда породнение с императорским домом было следствием удачной карьеры и демонстрации выдающихся способностей. Тем не менее, Маврикий не сразу доверил своему зятю поприще полевого полководца: около 2 лет Филиппик был комитом экскувитов. Но после отставки Иоанна Мистакона с поста военного магистра Востока выбор императора пал именно на своего зятя. Судя по сообщениям Феофилакта Симокатты, Филиппик к моменту своего назначения не имел опыта командования, но считался преданным наукам и обладающим некоторыми познаниями в области войны (Theoph. Sym. I.14.2), т.е. был знатоком теории. Филиппик был «своим человеком», и это его качество стало решающим в глазах Маврикия. Император нуждался в верном человеке, способным стать надежным проводником его политики в одной из крупнейших армий Византии. Эта политика, как представляется, была изложена у Евагрия: Филиппик избавил

¹ Глушанин Е.П. Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991. С. 15–25 (о магистратском типе позднеантичной военной знати), 237–238 (о судьбе военной знати во второй половине VI в.).

² Институт военных магистров Восточной Римской империи до 565 г. обстоятельно исследован в уже упомянутой выше фундаментальной монографии Е.П. Глушанина. По военным магистрам IV–V вв. стоит отметить хотя бы работы В. Энслина (Enßlin W. Zum Heermeisteramt des spätromischen Reiches. Teil I: Die Titulatur der magistri militum bis auf Theodosius I // Klio. Bd. 23. 1930. S. 306–325; Teil II: Die magistri militum des 4. Jahrhunderts // Klio. Bd. 24. 1931. S. 102–147; Teil III: Der magister utriusque militia et patricius des 5. Jahrhunderts // Klio. Bd. 24. 1931. S. 467–502) и А. Демандта (Demandt A. Magister militum // RE. Supplement band 12. 1970. S. 553–587).

войско «от излишеств, ведущих к роскоши», расположил его «к умеренности и покорности» (Evaqr. VI.3). В течение четырех лет Филиппик возглавлял восточный магистерий и как полководец, в целом, справлялся со своими обязанностями. Причину его внезапной отставки в 588 г., о которой он узнал, ещё не доехав до столицы (но уже будучи знакомым с содержанием приказа (Theoph. Sym. III.1.1-2; Theoph. AM 6079)), в историографии объясняют его неудачами и бездействием³. Впрочем, не менее важным моментом в решении Маврикия могло стать как раз выступление Филиппика против императорского указа о сокращении анноны на четверть: он не понаслышке знал настроения войск и уровень их дисциплины, опасался мятежа и появления узурпатора (Theoph. AM 6079). Но не внявшему словам своего зятя Маврикию нужен был послушный исполнитель, и на место Филиппика был послан Приск.

Судя по данным источников, Приск, в отличие от его предшественника на посту военного магистра Востока, не состоял в родственных связях с императорской фамилией. Молчат источники и о каких-либо предыдущих его заслугах на военном или ином поприще. Приск мог быть одним из телохранителей Маврикия (подобно другому военному магистру Коментиолу), или же знакомым императора по службе на восточной границе (подобно Иоанну Мистакону, первому военному магистру Востока при Маврикии). Впрочем, поведение Приска по прибытии к войскам свидетельствует о том, что он, скорее всего, не имел опыта военного командования.

Филиппик же, который так и не отважился обнародовать вышеупомянутый указ об анноне до момента своей отставки, теперь решается на это. «Сделал он это из зависти, желая причинить неприятности Приску», – язвительно заметил Феофилакт Симокатта (Theoph. Sym. III.1.2). Именно с этого момента начинается соперничество двух представителей военной элиты.

Сообщение Евагрия о первых шагах нового командующего позволяет сделать вывод, что его миссия состояла в подготовке воинов к обнародованию указа о снижении жалования, и что он, Приск, был тщательно проинструктирован императором на этот счёт: «Итак, прибыв к войску, с поднятыми бровями, с величавым видом и в великолепном убранстве, он говорит ему нечто о терпении воинов в настоящее время, о тщательном вооружении и том, чего стоит государству содержание их» (Evaqr. VI.4). Своим надменным поведением Приск только усугубил недовольство войска. Человек, который напоминал воинам о цене их содержания государством, сам располагал при этом, по сообщению Евагрия (Evaqr. VI.4), сокровищами, которые и были разграблены взбунтовавшимися воинами. Миссия Приска полностью провалилась: он не только не подготовил войско к указу о снижении анноны, но и настроил войско против своей персоны. Пытаясь отвести от себя гнев, Приск объявил Филиппика инициатором снижения нормы анноны, но это не возымело эффекта. Маврикий не стал посылать к мятежной армии третьего командующего, а возвратился к кандидатуре Филиппика. Очевидно, никакой более авторитетной фигурой Маврикий не располагал, хотя уже в тот момент он мог рассматривать Коментиола, с переменным успехом действовавшего в Европе. Но бунтующее войско не приняло и Филиппика: падение его авторитета среди солдат продемонстрировал эпизод с отступлением от Хломарона ещё в 586 г., когда воины открыто издевались над стратигом (Theoph. Sym. II.5.9; Theoph. AM 6078). С огромным трудом принятый войском в качестве начальника, Филиппик ещё в течение двух лет командовал войсками восточного магистерия, пока, наконец, не был снят с поста за неудачную осаду Мартирополя. Маврикий, судя по всему, сохранил за своим зятем пост комита экскувитов, но к командованию магистерием больше не привлекал. Филиппик ещё мелькнёт на дипломатическом поприще в 590 г. и будет привлечен к кратковременному командованию в походе против болгар в конце 590-х гг. – как считается, чтобы подменить отстраненного от командования Коментиола⁴. Но, в целом, Маврикий на своего зятя как на полководца больше не рассчитывал.

Наоборот, Приска, несмотря на все его злоключения на Востоке, император решил попробовать на другом горячем участке Империи – Балканах. Новое назначение Приска могло произойти, согласно разным хронологическим реконструкциям, либо через пять-

³ Goubert P.S.J. Byzance eavant l'Islam. T. I. Byzance et l'Orient sous les successeurs de Justinien. L'empereur Maurice. Paris, 1951. P. 103.

⁴ Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1992. T.3. P. 1024.

семь лет после его отозвания с восточного магистерия, в 593 или 595 г., либо даже в том же 588 г.⁵ Таким образом, Маврикий произвёл своеобразную рокировку двух командующих крупнейшими армиями Империи: с Балкан на Восток был отправлен Коментиол, и обратно – Приск.

Приск провёл с некоторыми перерывами ряд кампаний на Балканах (в 588, 593-599 гг. или 595-599 гг.). Первоначально Приск был военным магистром Фракии (Theoph. Sym. VI.5.13; ср. VI.4.7). В 596/597 гг. он был заменён братом императора Петром. Причина отставки источниками прямо не называется; но в качестве источников недовольства Маврикия не могли выступить такие действия Приска, как переход с войском обратно на правый берег Дуная, или уступка части добычи аварскому кагану, выступившему в качестве своеобразного рэкетира (Theoph. Sym. VI.11.3; VI.11.21). Эти события явно произошли уже после назначения Петра. К тому же известно, что среди прочих предписаний Петр должен был объявить войскам указ, согласно которому уплата жалования выдавалась в виде денег, оружия и одежды. Возможно, повторилась ситуация 588 г.: Приск, наученный горьким опытом своего командования на Востоке и, как в своё время Филиппик, хорошо знавший настроение войск, выступил против политики экономии на армии. Как явствует из Симокатты (Theoph. Sym. VI.10.1-3), Приску с большим трудом удалось убедить войско перезимовать на варварском, враждебном берегу Дуная; опасаясь повторения мятежа 588 г., он мог поделиться своими опасениями с Маврикием и воспротивиться его новым планам. Маврикий же, либо не зная, насколько накалена обстановка в войсках, либо просто пренебрегая мнением воинов, решил поставить во главе дунайского войска надежного человека, которому он доверял, и который стал бы его послушным проводником его политики⁶. Как известно, попытка внести изменения в систему снабжения и оплаты войск не удалась.

Опала Приска была недолгой: разуверившись в полководческих способностях своего брата, Маврикий вновь доверил Приску командование войсками на Балканах (598 г.). Впрочем, через некоторое время компанию на Балканах Приску составил другой стратиг, Коментиол. В 601 г. Маврикий, судя по всему, убрал обоих стратигов с данного театра военных действий и вверил командование своему брату Петру. Следующее по времени упоминание о Приске принадлежит Себеосу и относится к осени 602 г.: Приск направлен в Армению для набора войска, но, узнав о перевороте Фоки, немедленно спешит в Константинополь (Sebeos, XX). Примечательно, что Фока, который расправляется с крупнейшими представителями военной элиты предыдущего правления (казни Коментиола, Нарсеса и Петра, пострижение Филиппика), достаивает Приска должности комита экскувитов, а в будущем отдает за него замуж свою дочь. Пролить свет на подобное отношение тирана к одному из бывших маврикиевых полководцев может указание Павла Диакона на то, что Фока был конюшим у Приска (Hist. lang. IV.26). Хронологически этот эпизод следует относить ко времени командования Приска на Балканах. Очевидно, между Фокой и Приском сохранились хорошие отношения, и складывается впечатление, что Приск, спеша в Константинополь в 602 г., уже как будто знал о том, что Фока его щедро облагодетельствует.

Для Филиппика, надолго отстраненного Маврикием от командования, но сохранявшего при этом пост комита экскувитов, приход Фоки не предвещал ничего хорошего. Узурпатор жестоко расправился с ближайшими родственниками Маврикия, такая же участь вполне могла постигнуть и зятя свергнутого императора, который являлся к тому же неплохим для той поры полководцем. Но Филиппик уцелел: он был только смещен с поста комита экскувитов и пострижен в монахи.

⁵ PLRE.T.3. P. 1053. Более предпочтительной нам кажется реконструкция, предложенная Г. Лабуда. Историк указывал на наличие хронологической лакуны в описании Симокаттой войны с аварами при отнесении начала этой войны к 591 г., в то время как в самом повествовании такого пропуска (между 594 и 597 гг.) не наблюдается. Отбросив начальную дату войны – 591 г., автор привязал события к дате конечной – 602 г. В силу этого само начало войны сдвинулось на 595 г. (поход Маврикия и поражение Приска во Фракии), поход Приска против «румынских славян» (так называет их Лабуда) – на 596 г., к концу 596-го или к началу 597 г. относится назначение Петра вместо Приска, к 598 г. – новый поход Приска и т.д. См. Labuda G. Chronologie des guerres de Byzance contre les Avarset les Slaves à la fin du VIe siècle // Byzantinoslavica. T.11. 1950. P. 167-173.

⁶ Примечательно, что в 602 г. Маврикий вновь попытался сэкономить на армии, приказав ей перезимовать за Дунаем. Командовал балканским войском в тот момент тот же Петр.

Некоторые восточные источники передают, что Филиппик сделал попытку продолжить свою карьеру и при новом режиме (Mich. Sng. X.25; Chron. 1234. LXXXIV). Он, следует полагать, сам явился во дворец к Фоке, и, надеясь расположить его к себе, стал злословить про своего тестя, объявлял, что тот сам был виновен в собственном падении. Нельзя не отметить мудрость Фоки, который заявил Филиппику: «И каким же образом, если ты не был хорошим зятем, ты можешь быть надежным другом? Проваливай же. Тот, кто не сохранил верность зятю, не соблюдет и дружбы друга».

О том, насколько историчен этот разговор, речь пойдет ниже, сейчас же заметим, что и Пасхальная хроника (Chron.Pasch. 603), и Феофан (Theoph. AM 6098) свидетельствовали в пользу того, что в 603 г. Филиппик постригся в монахи. Однако Себеос указывал на то, что Филиппик принял постриг ещё в царствование Маврикия, по собственной воле («впал в размышление»; Sebeos, XXIV).

Приск, ставший после женитьбы на дочери Фоки фактически вторым лицом в государстве, начал тяготиться своим тестем. Источники связывали начало подобного тяготения со ссорой царя с новоиспеченным зятем в 607 г. из-за статуй молодоженов, установленных рядом с царскими (Ioann. Ant. Fr. 218e, 218f; Nic. Brev. 4; Theoph. AM 6099; Zon. XIV.14; Nic. Call.XVIII.55; Cedr.I.713; Patr.Const. III.184). Именно Приску традиция приписывает первое обращение к Ираклию, отцу будущего императора, за помощью против Фоки. При свержении Фоки Приск, возглавлявший экскувитов, никак не помог своему тестю; его действия, описанные у Иоанна Антиохийского (Ioann. Ant. Fr. 218f), были по сути предательством пытавшегося организовать оборону Константинополя Фоки. Кроме того, он помог вызванным Фокой в Константинополь матери и жене Ираклия, за что последний позже его благодарил (Ioann. Nik. Chron. 106).

Ещё только вникавший в курс дел государства Ираклий нуждался в советниках, в людях, на которых он мог бы на первых порах опереться. В данных обстоятельствах Приск мог быть полезен новому императору во многих отношениях. Ираклий был благодарен Приску за его помощь во время низложения Фоки, и, очевидно, ценил его за военные способности и опыт. Для своей эпохи Приск, несомненно, являлся одним из способнейших полководцев Империи. Ещё до своего восшествия на трон Ираклий даже предлагал его в качестве нового василевса (Nic. Brev. 5). Факт, что Приск сумел удержать экскувитов от помощи Фоке, показателен в плане его авторитета и влияния среди этой политической силы. Кроме того, Приск имел при себе ойкию, которая могла представлять достаточно весомую в тех условиях боевую силу, и Ираклий поспешил задействовать её против персов. Кроме того, подобное отношение нового императора к знаковой фигуре предыдущего режима могло быть сделано в угоду восточному войску, которым совсем ещё недавно командовал брат Фоки Коментиол и в котором могли сохраняться, несмотря на восстание армянских частей, профокиевые настроения⁷.

Резкая перемена в отношении Ираклия к Приску произошла после личного визита императора к полководцу в Кесарию с целью «держать с ним совет об общих делах» (Nic. Brev. 2). Согласно «Бревиарию» Никифора, Приск встретил императора крайне недружелюбно и надменно: притворившись больным и немощным, он насмеялся и даже ругал Ираклия. «Ираклий же, внимая происходящему представлению, при всем том сносил дерзости, выжидая еще удобный случай. Он полагал пока, что они действительно должны договориться друг с другом, хлопоча, как должно, об интересах государства» (Nic. Brev. 2). Как думается, не только интересы государства заставляли Ираклия унять свой гнев. Вполне возможно, численность букеллариев Приска была достаточной, чтобы с ними считался василевс. И только когда в столице появился Никита, двоюродный брат Ираклия, прибывший из Египта, скорее всего, с некоторым количеством войск, только тогда и наступил упоминаемый Никифором удобный случай: Ираклий чувствовал себя уже вполне уверенно, чтобы расправиться с надерзавшим ему полководцем. Приск явился в Константинополь как раз по случаю чествования прибытия Никиты, был обманом завлечен во дворец и отрезан тем самым от своих букеллариев. Во дворце, в присутствии сената и многих горожан, перед Приском был разыгран небольшой спектакль. Ираклий спросил присутствующих: «Кого оскорбляет обижающий императора?», и в ответ

⁷ С другой стороны, войнам могло быть известно поведение Приска в момент свержения Фоки.

услышал: «Бога, сделавшего его императором». С этим согласился и Приск, признав такую дерзость не заслуживающей снисхождения и при этом словно забыв своё поведение в Цезарее. Об этом поведении ему тут же и напомнил Ираклий. Логическим завершением речи василевса стал удар кодексом по щеке Приска и тирада: «Тот, кто не соблюдал родства, будучи зятем, как же стал бы соблюдать дружбу». Приск был пострижен в монахи, заключен в храм, в котором через год и умер. Ираклий же лично вышел к его букеллариям и объявил о смене их статуса: из слуг Приска они стали слугами государства, им было назначено содержание (Nic. Brev. 2).

Рассказ о расправе над Приском у Никифора напоминает рассказ Михаила Сирийца и Хроники 1234 г. о диалоге Фоки и Филиппика, причём нравоучительная тирада про соблюдение родства и дружбы повторяется едва ли не дословно. Причиной тому может быть поразительная схожесть судеб Филиппика и Приска, которые оба являлись зятьями василевсам Маврикию и Фоке соответственно (что делает применимой к обоим тираду про зятя), и оба были пострижены в монахи. Кроме того, последние события в жизни Приска, который умер через год после того, как попал из стратигов в монахи, повторяют в обратном порядке перипетии в судьбе Филиппика, которого Ираклий вызвал из монастыря в Хрисополисе, куда тот был помещен, назначил командующим войсками против персов и который умер спустя год. Неудивительно, что подобные параллели в карьере обоих полководцев могли запутать даже их современников, и история про «плохого» зятя свергнутого императора, которого новый василевс после морализаторской беседы отправляет в монахи, стала применяться к обоим. Не исключено, впрочем, что известная нам по источникам схожесть судеб Приска и Филиппика могла быть как раз порождением путаницы в этих самых источниках. Если же поверить указанию Себеоса о постриге Филиппика ещё при Маврикии, то историческим следует признать только диалог Ираклия и Приска. Расправа над Приском у Никифора более органично вписана в канву событий (размолвка в Цезарее, месть Ираклия и его обращение к букеллариям), чем расправа над Филиппиком в более позднем труде Михаила Сирийца и в Хронике 1234 г.

Возвращаясь к причинам падения Приска, которое описано у Никифора, следует помнить, что до нас дошла «официальная» трактовка, т.е. версия самого Ираклия: после смерти Приска о содержании их бесед в Цезарее мог знать только он. Одно ли надменное поведение (да и было ли оно?) Приска вызвало гнев императора Ираклия, или же дело заключалось в другом? Американский историк У.Э. Кэги рассматривал конфликт Приска и Ираклия как борьбу за влияние в армии; постриг Приска ликвидировал последнюю «внутреннюю угрозу из прошлого» для Ираклия, ведь комиты экскувитов были чрезвычайно влиятельны и иногда опасно честолюбивы⁸. К моменту отставки Приска Ираклий более-менее разобрался в государственных делах и укрепил свое собственное положение; в такой ситуации Приск, действительно, мог пригодиться ему разве что своей «дружиной».

После устранения Приска вакантными оказались сразу две должности: комит экскувитов и командующий восточным войском. Последний пост после более чем двадцатилетней паузы (если не считать кратковременного командования в конце 590-х) занял Филиппик. Он ещё раньше был привлечен Ираклием для переговоров с братом Фоки Коментиолом (V.Theod. Syn. 152), но в качестве кандидатуры на пост командующего восточным войском поначалу проиграл Приску. Теперь же его военные знания и опыт оказались снова востребованы⁹. Стоит отметить, что на сей раз командование также было поручено брату Ираклия, Феодору. Действия Филиппика были в целом успешными, но через год после своего возвращения на поприще стратига он умер (Nic. Brev. 2).

Так примерно в одно время из жизни ушли два военных магистра, последние крупные представители отживающей свой век военной знати магистратского типа. Именно получение поста военного магистра от императора Маврикия открыло им путь в ряды военной элиты, но их стартовые возможности были неодинаковы. Если Филиппик получил высокое назначение на Восток благодаря своей родственной связи с императором, то Приск, не будучи упоминаемым источниками как состоящий хотя бы в малейшем родстве с Маврикием, добился своего первого магистерия за какие-то иные заслуги, но не

⁸ Kaegi W.E. *Heraclius: Emperor of Byzantium*. Cambridge, 2003. P. 75, 70.

⁹ В Филиппике даже видят автора «Стратегикона»; см. Wiita J.E. *The Ethnika in Byzantine Military Treatises* / Ph.D. Dissertation. University of Minnesota, 1977.

обязательно военного характера. Дело в том, что, как отметил Е. П. Глушанин, начиная с императора Анастасия при назначении военных магистров прослеживается тенденция семейной политики: ставка делалась на личную преданность, а не на профессиональные качества; это стало причиной отмирания магистратских основ в институтах армейского командования¹⁰. Однако если при Юстине I и Юстиниане в целом соблюдалась старая система военного администрирования с отдельными рецидивами семейной политики¹¹, то при Юстине II и Тиберии Константине ориентация на личную преданность и родственные связи вновь получила распространение (крупные полководческие назначения Тиберия, Бадуария, Юстиниана, Маркиана). В случае с Маврикием, как отмечал французский историк П. Губер, его преданность семье и недоверие к полководцам создавали предрасположенность к использованию и переоценке профессиональной пригодности своих родственников¹². Впрочем, собственно Филиппик во время своих военных действий против персов избежал крупных неудач и даже выгодно смотрелся на фоне других современных ему полководцев. Необычность военной карьеры Филиппика и Приска состоит в том, что она развивалась на протяжении нескольких десятков лет и охватила собой правления трёх императоров, в то время как, например, в правление Юстиниана, Юстина II и Тиберия мы не наблюдаем подобного примера: последовательная смена военных элит совершается с приходом каждого нового императора, и военные магистры предыдущего режима, как правило, не получают нового шанса¹³. Приск же сумел пережить две такие, в целом, радикальные, смены военных элит, произошедшие с воцарением и Фоки, и Ираклия.

Для военной знати магистратского типа в период её упадка было характерно то, что сроки командования военных магистров, вопреки самому духу магистратской модели с её временным характером исполнения полномочий, увеличивались¹⁴. Само количество магистериев при этом сокращалось: после 581–582 гг. нет данных даже о предполагаемых военных магистрах Иллирика¹⁵, вместо двух презентальных армий, как кажется, осталась всего одна¹⁶. В силу этих причин круг военных магистров становился уже. Тасование одного и того же командного состава наблюдалось ещё при Юстиниане¹⁷; эта тенденция сохранилась и при Маврикии: длительные командования Филиппика на Востоке и Приска на Балканах являются яркими тому примерами. Вообще же, за двадцать лет правления Маврикия можно выделить всего пять основных полководцев, которые попеременно командовали главными магистериями (Филиппик, Приск, Коментиол, Петр, Нарсес).

Стоит отметить, что попытки Маврикия использовать Приска и Филиппика в качестве проводников императорской политики в отношении армии не удалось. В течение всего своего правления Маврикий изыскивал как средства и способы оптимизировать расходы на армию, так и человека, могущего провести эту политику в жизнь. Несмотря на то, что и Приск, и Филиппик возглавляли военные магистерии довольно продолжительное время, они так и не завоевали авторитета в войске, достаточного для проведения непопулярных, но необходимых мер.

Тот факт, что Ираклий снова привлёк на службу двух этих магистров, говорит не только о политической подоплёке подобного шага нового василевса, но и попросту об исчерпании к этому моменту кадрового резерва высших командующих в Византийском государстве. Террор, выкосивший военную верхушку, сложившуюся при Маврикии, и ориентация Фоки на своих родственников поставили Ираклия в трудное положение. Изба-

¹⁰ Глушанин Е. П. Ук. соч. С. 234.

¹¹ Там же. С. 226, 235.

¹² Goubert P S.J. Op. cit. P. 91.

¹³ Более того, уже во время длительного правления Юстиниана I наблюдалась смена поколений в военной элите: так, в 562–565 гг. ряд высших военных должностей заняли родственники Юстиниана (см. Глушанин Е. П. Ук. соч. С. 226–227), хотя в целом при Юстиниане военная верхушка состояла из одних и тех же военачальников (Там же. С. 197).

¹⁴ Глушанин Е. П. Ук. соч. С. 197.

¹⁵ В качестве последнего потенциального военного магистра Иллирика рассматривается Феогнид в 581–582 гг. (см. PLRE.T.3. P. 1501).

¹⁶ О презентальных магистериях при Юстиниане см. Глушанин Е. П. Ук. соч. С. 194–195, 207–209, 226; о судьбе презентальных армий см. Haldon J.F. *Byzantine Praetorians. An Administrative, Institutional and Social Survey of the Opsikion and Tagmata*, с. 580–900. Bonn, 1984. P. 96 сл.

¹⁷ Глушанин Е. П. Ук. соч. С. 197.

вившись от родственников Фоки, новый император тем самым автоматически провёл и чистку военной верхушки. Приск и Филиппик оказались в уникальном положении: они остались единственными полководцами во всей Империи, кто обладал военным опытом и знаниями, так необходимыми Ираклию в условиях войны с персами. Если в будущем Ираклий привлечёт на высокие командные посты своих родственников, а потом и лично возглавит войско, то в первые годы его правления ситуация была другой: он только укреплял свой режим и нуждался в закаленных командирах.

Далее следует коснуться проблемы института личных вооруженных свит военных магистров. Сложившаяся в зарубежной историографии точка зрения о частном характере букеллариата была пересмотрена применительно к эпохе Юстиниана барнаульским историком Е.П. Глушаниным. Вкратце его наблюдения сводятся к следующему: дорифоры и гипасписты у Прокопия и Агафия не отождествляются с ойкией, т.е. личной прислугой полководцев; дорифоры и гипасписты не являлись частной свитой военной верхушки: дорифоры первой половины VI в. – это лучшие воины, откомандированные из различных армейских подразделений; гипасписты – это откомандированные в экспедиционные силы федераты и наемники-одиночки¹⁸. Ойки же, т.е. собственно личные свиты, не были многочисленны; и хотя у армейских магистратов могла появиться возможность создать крупные вооруженные свиты за счёт ограбления Африки и Италии, она была пресечена на корню Юстинианом¹⁹. Идея барнаульского историка рассматривать дорифоров как отборные войска прекрасно объясняет тот привилегированный статус, который обретут букелларии в «Стратегиконе», избавляет от необходимости, как это делается в зарубежной историографии, приписывать Маврикию специальное создание корпуса букеллариев для охраны командующего презентальной армией, ликвидацию им участвующих армий и переход частных букеллариев на государственное содержание²⁰.

Если говорить о частных вооруженных свитах военных магистров после смерти Юстиниана, то мы опять же не находим данных, свидетельствующих в пользу их высокой численности. У Симокатты всего несколько раз упомянуты гипасписты стратигов: щитносец Коментиола Нарсес (V.2.8); Феодор Иливин, дорифор Филиппика (II.4.3); безымянные гипасписты, участвующие в собрании по случаю прибытия персидского посла и упомянутые, что любопытно, после тагматархов и лохагов (I.15.2). С другой стороны, Симокатта также говорит и о копьеносце военачальника персов (IV.3.1), о гипасписте лохага (II.10.11) и т.д. Во время бунта восточного войска в 588 г. Приску пришлось спастись на лошади одного из императорских телохранителей (σωματοφύλακας του βασιλέως²¹), при этом ничего не слышно о его личной охране, дорифорах или гипаспистах (III.1.12). Впрочем, букелларии всё-таки обнаруживаются у Прискана момент свержения Фоки в 610 г. (Ioann. Ant. Fr. 218f: «ὁ δὲ Πρίσκοσ ἐδίῳσ εσυναχθῆναι τοὺς ἐξσκουβίτορας εἰς τὰ Βοραῖδος εἰς τὸν ἰλλόδρομον τοῦ οἴκου αὐτοῦ ἅμα τοῖς στρατιώταις Βουκελλαρίοις»; Никифор при описании расправы над Приском говорил о «Κρίστου στρατιώταις»: Nic. Brev. 2²²). Но здесь речь идёт уже не о военном магистре, а о комите экскувитов, фактически возвысившимся при Фоке до второго лица в государстве. Неудивительно, что он обзавёлся охраной, очевидно, довольно внушительной численности²³, в отношении которой он выступал как «ὁ λαλαῶς» (Nic. Brev. 2) и содержал за свой счёт.

Приск и Филиппик были одними из последних ярких представителей военной знати позднеантичного магистратского типа. Система военных магистратов, начавшая

¹⁸ Глушанин Е.П. Ук. соч. С. 214-218.

¹⁹ Там же. С. 218-221. Разделение букеллариев и ойкии прослеживается и у Евагрия: историк пишет об отнятии Юстином II у Юстина, сыном Германа, щитносецев, копьеносцев и собственно телохранителей («ἰλασποτάσ καὶ δорифόρουσ καὶ σωματοφύλακασ»). Evagr. V.2). Таким образом подчеркивается характер опалы Юстина: у него не только забрали букеллариев, но и лишили ойкии, т.е. оставили даже без «домашних».

²⁰ Haldon J.F. Op. cit. P. 101-102; Maurice's Strategikon: handbook of Byzantine military strategy / translated by George T. Dennis. Philadelphia, 1984. P. XII; Shlosser F.E. The Reign of the Emperor Maurikios (582-602): A Reassessment. Athens, 1994. P. 93-96.

²¹ Речь идёт о скрибонах, упоминаемых Симокаттой и в дальнейшем (Theoph. Sym. VII.3.8; VIII.5.10).

²² Подробнее о терминологии, употребляемой источниками в отношении свиты Приска и о её судьбе см. Haldon J.F. Op. cit. P. 375-377 (n. 49).

²³ Вопрос о численности охраны Приска остаётся открытым. Показательно то, что после расправы над Приском Ираклий обратился к его воинам с речью (Nic. Brev. 2). Если бы перед ним стояла горстка людей, то император вряд ли удостоил бы их такой чести.

приходить в упадок ещё с возникновением широкой практики стратегий-автократий при Юстиниане и образованием экзархатов при Маврикии, в ходе военных потрясений первой половины VII в., как кажется, исчезла полностью; её место в дальнейшем постепенно займёт система фем. Так будет подведена черта не только под почти трехсотлетней историей развития знати магистратского типа, но и фактически под всей позднеантичной историей Восточной Римской империи.

KEY CHALLENGES TO MASTERS OF THE SOLDIERS PRISCUS AND PHILIPPICUS AS REPRESENTATIVES OF BYZANTINE MILITARY ELITE OF THE SECOND HALF OF VI CENTURY – THE EARLY VII CENTURY

R.A. BEDA

Altai State University

e-mail: mo@hist.asu.ru

The paper attempts to review the functioning of magistrate model of the Byzantine military nobility in the period of its decline (the second half of VI century – the early VII century) on the example of career of *magistrimilitum* Priscus and Philippicus. The emphasis is placed on the relations of the masters of the soldiers with the imperial power, on their role in political and military life of the state, on the factors which have affected development of their career.

Keywords: Byzantium, military elite, masters of the soldiers, Priscus, Philippicus, Magistrate model of the military nobility, early Byzantine army.